

СЕРГЕЙ ТЮЛЕНЕВ

Коробочка бенто

Сергей Тюленев
Коробочка бенто

«Издательские решения»

Тюленев С.

Коробочка бенто / С. Тюленев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902999-7

...я открываю мою черную с перламутровой инкрустацией снаружи, алую, как плоды сакуры, изнутри лакированную коробочку бенто, и ко всякой всячине в ней — кусочку рыбы-сакана или, особенной зимой, гю-, бута- или торинику, к полупрозрачной рисовой лапше, зеленым водорослям и щепотке холодного риса, посыпанного семенами кунжута, — добавляется обещание истории, которая на несколько минут унесет меня куда-то в далекую страну, в чужую жизнь...

ISBN 978-5-44-902999-7

© Тюленев С.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Laterna magica	8
Аллигаторова груша	10
...Продолжаю решать задачу	13
Смерть зоолаборатории	14
Cum semel occideris ⁴	15
Переводчик	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Коробочка бенто

Сергей Тюленев

© Сергей Тюленев, 2018

ISBN 978-5-4490-2999-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Я всю жизнь служу бухгалтером в страховой конторе г-на Ишигуро в Тагадзэ, в префектуре Мияги. Мне уже за сорок, но жизнь моя не очень-то сложилась по меркам моих коллег и соседей: холостяк, недотепа-очкарик в инфантильных черных круглых очках с треснутой в правом верхнем углу левой линзой; вечно в черном костюме с вечно набитыми всякой всячиной оттопыренными карманами, от чего полы пиджака подворачиваются и кажутся надутыми; из-под них в тупоносые мутно-бурые потертые туфли со шнурками, давно растерявшими свои металлические наконечники и распрядшимися на ворохи нитей, свисают черные, тощие, как рисовые вермишелины, едва доходящие до щиколок брюки.

Обедать я хожу один: я ни с кем так и не подружился за долгие годы работы у г-на Ишигуро. Выхожу из офиса, пробив время на висающем у входа учетчике посещения, и неизменно иду в близлежащий парк, где сажусь на скамейку или, если идет дождь или снег или просто холодно, захожу в павильон с небольшим садом камней в центре и татами вокруг и с раскладными деревянными стульями у стен. Там, конечно, неизбежно оказываются люди, застигнутые врасплох непогодой гуляющие или такие же, как я, служащие из соседних офисов, но это все же лучше, чем оставаться в конторе: тут, в павильоне, никого не знаю я и никто не знает меня, поэтому никто не бросает косых взглядов исподлобья, не кланяется, и я не должен подпевать хору коннинчваканья¹.

Обед у нашего отдела длится тридцать две минуты с двенадцати семнадцати до двенадцати сорока девяти. Можно запомнить так: 12 – обеденный час, 17 – это 1 и 7, с единицы начинается счет, а 7 следует за единицей, то есть оно как бы 2, но только без нижней черточки; героиней третьей (3) операции с цифрами будет двойка (2), т.е. 3 и 2, – вот вам и 32 минуты; а если 7 возвести в степень 2, то как раз получается конец обеда – 49. То есть: 12:17 (1 и 2 (фактическая двойка)): (1 и 2 (порядковая двойка, т.е. вторая цифра, независимо от того, что она значит фактически, у которой отсекается нижняя черточка, что дает нам 7)), а фокус 3-ей операции: «2», что дает нам 32 минуты, которые истекают в 12: (7²) = 12:49.

В чистом виде: 12:17 = (1 и 2): (1 и 2 минус нижняя черточка = 1 и 7) > 3: «2» > 12:7² = 12:49 (знак «>» в этой формуле означает не отношения «меньше-больше», как подумал бы любой бухгалтер, а указывает на последовательность операций).

Можно и упростить, выбросив 12 как часовой показатель, ведь обед проходит в рамках одного часа: 17 = 1 и 2 (без черточки) > 3: «2» > 7² = 49.

Каждый день я жду обеда не только потому, что мой завтрак сводится к чашке крепкого маття, а, соответственно, к полудню я уже чувствую изрядный голод, но и потому что, пакуя мой обед, в коробочку бенто вместе с рисом, овощами и сашими я кладу аккуратно сделанную мной газетную вырезку. Накануне я специально концентрируюсь на периметре текста, по которому мелкими, женскими шажками семят ножницы, чтобы не то что не прочесть статью, но не дать хитрым глазам выхватить из текста даже отдельные слова, фразы, числа, ведь те могут оказаться ключами к сладко-томительному секрету истории, который окажется раскрытым до времени и наслаждение ускользнет, как угорь, которого пытаешься поймать голыми руками в ручье где-нибудь в горах хребта Хида. Не подсмотреть было нелегко, и всегда требовалось приложить усилие, но усилие соблазнительно-приятное: как если вы готовите что-то вкусное, но, пробуя на вкус, проверяя, посолить еще или уже хватит, изо всех сил стараетесь не превысить одного маленького глоточка бульона, оставляя главное удовольствие на потом, когда все будет готово и подано к столу. Так же и я приберегал статью для обеденного перерыва

¹ От «коннити ва» (яп.), что значит «здравствуйте».

следующего дня, предвкушая чтение; предвкушение совпадало с голодом, и я всегда получал двойное удовольствие и потому с удвоенной силой ждал обеда.

Статьи эти были из местной газеты «Тагадзё симбун», в которой редактор, чтобы привлечь читателей, каждый день (кроме субботы и воскресенья) печатал небольшие истории, которые иногда помечались (и порой читались, может быть, специально) как переводы, иногда никаких сведений об их происхождении не указывалось. Я подозреваю, что настоящими переводами были лишь некоторые из опубликованных вещиц: где бы он набрал переводчиков со стольких языков! Наверное, он сочинял все сам, или все это сочинял ему один из его журналистов, уж не знаю, штатный или внештатный по ведомостям. Ну а мне какая разница! Я не то что какой-нибудь сноб, который не прочтет текст, если увидит, что это перевод, потому что они-де неизбежно теряют что-то от оригинала и потому что они вообще слова переводчика, а не настоящего автора. Помнится, еще на студенческой скамье из любопытства я прослушал несколько лекций по герменевтике (до сих пор диву даюсь, каким меня ветром туда занесло!); после этого осознаешь, что и на родном языке все мы всё понимаем весьма приблизительно. А потом, зачем же обкрадывать себя, отвергая впечатления, которые приходят к вам из культур, языками которых вы не владеете (а сколько таких! и насколько их больше тех, что могут открыться даже самому продвинутому полиглоту!).

...Времени моего обеда только и хватало что на небольшую историйку, и истории эти не всегда оказывались веселыми или развлекательными. Но даже и с такими (конечно, если автор удерживает наше внимание от начала до конца, а не теряет его, как рисинки с палочек-хаси, так что в рот уже мало что попадает), и соевый соус слаще и васаби не так обжигает.

Вот и сейчас я открываю мою черную с перламутровой инкрустацией снаружи, алую, как плоды сакуры, изнутри лакированную коробочку бенто, и ко всякой всячине в ней – кусочку рыбы-сакана или, особенной зимой, гю-, бута- или торинику², к полупрозрачной рисовой лапше, зеленым водорослям и щепотке холодного риса, посыпанного семенами кунжута, – добавляется обещание еще одной истории, которая на несколько минут унесет меня куда-то в далекую страну, в чужую жизнь... Конечно, иногда коробочка преподносила сюрпризы, иногда «Тагадзё симбун» заносило, но ведь в этом и прелесть бенто, что всего здесь понемногу и новый вкус всякий раз рождается из неожиданных сочетаний горького, кислого, сладкого, пряного, приторного и даже поначалу кажущегося совершенно безвкусным!..

² Говядина, свинина, курица (соответственно).

Laterna magica

Загадка

...A strain of music, soft, solemn, and delicious, breathed round him...

– *Maturin*, Melmoth the Wanderer

Дом как дом. В нем в обычных дневных заботах спуют обычные люди; в саду, как и положено, играют дети; никак не одолеет стены плющ; неугомонные, под крышей суетятся голуби.

К дому подкатила машина, из нее вышли двое. На все неожиданно будто полегла белая простыня тишины: замолкли голуби; перестали, поскрипывать и раскачиваться верхушки густо-зеленых елей; слюдой подернулись пестрые кусты; оцепенел серебряный плющ. И только какая-то мелодия реяла в воздухе, едва слышная, почти призрачная, ни грустная ни веселая, ни медленная ни быстрая.

(Пауза)

...Так и есть – мелодия.

Прошелестели шины подъезжающей машины; померк полуденный свет...

Мелодия, тихая, будто прозрачная, будто сквозь нее просвечивали и небо, и два нарисованных на нем белых облачка, и деревья, и кусты, и трава – все; музыка, которая, быть может, всегда и звучала – только ее никто не слышал.

...Двое из машины вошли в дом; раздался негромкий скомканный диалог; были срочно созданы дети; звякнув ключами, заперли двери; щелкнув, захлопнулись крошечные ставни и окна...

Замерло все – ни шагов, ни скрипа половиц, ни щебетанья детских голосов, ни встревоженного шепота взрослых. Только музыка, которая продолжала звучать то ли откуда-то из близлежащей роицы, то ли из какого-то другого дома, а, может, с самого неба.

Дом погас в тишине и матовой тени.

Теперь осветилась машина; в машине – дремлющий водитель в кожаной фуражке над раскрытой газетой в бессильных, опавших на колени руках.

(Пауза)

Опустились сумерки.

Проступили звезды.

Музыка по-прежнему лилась, будто ниоткуда и – отовсюду, исходя из неизвестного источника и отражаясь от вырезанных из черного картона деревьев и кустов, тусклых огоньков на спичечных ножках столбов, от дороги, превратившейся в застывшую реку, мерцающую золотом фольги, – эхом.

Зажглись окна в домах на улице; время от времени в них мелькали кукольные фигурки в халатах, с чалмами из полотенец или с папильотками в кудрях, мельтешили на стенах отблески упрятанных где-то внутри телевизоров. Потом свет перешел на вторые этажи, он осветил на мгновение голые торсы, пижамы; зажженные ночники спешно затушевали их, а потом, когда потухли и ночники, тьма стыдливо укрыла все и всех.

Все кануло во тьму; только зеленым фосфором светились фонари, дорога, игрушечные фасады домиков.

И неслась музыка...

Да на чердаке того дома, к которому подъехала машина, открылось маленькое оконце, в свете вспыхнувшей спички на миг сверкнуло усатое лицо, и белая струйка дыма поднялась от закуренной сигареты в по-ван-гоговски звездное небо.

Аллигаторова груша

Этиологический миф

Неспешно расшевеливался очередной обещающий быть жарким и душным день. Ничего особенного. Джунгли на то и джунгли, чтобы в них было жарко и душно, особенно днем. И аллигаторам именно это здесь и нравилось. С утра они лежали на берегу, ждали, пока солнце разогреет их парализованные ночной прохладой тела, потом оживлялись и тогда уж принимались за охоту.

Наевшись, они снова заваливались на теплый прибрежный песок и дремали; время от времени сытно и зычно отрывали, слегка вздрагивали и на мгновение просыпались – влажная, цвета тины пленка разъезжалась, и выпучивались удивленные глаза. Но вот до увальня медленно доходило, что источник толчка – его собственное пищеварение, и тогда его зрочки снова ныряли куда-то на дно, под тину, он снова засыпал, и сдувающиеся и раздувающиеся мехи боков оставались единственным, что двигалось у впавшего в летаргию тела.

Вот и сегодня один из аллигаторов, выполнив исправно, как ритуал, все, что должен был по закону предков: отогрелся, движимый инстинктом, надушегубился и улегся на заслуженный отдых. Минуту назад быстрый, как молния, хищник превратился в гору плоти, которую можно было принять, если бросить взгляд (но не задерживать, поскольку тогда – помним: – можно будет заметить колебание мехов), за мертвую тушу.

Разлитым медом медленно текло полуденное время. Тягучая его масса склеивала и подминала под себя все: в грязнооранжевое желе превратилась умолкнувшая река (иссякли всплески рыбы и прочей плавучей твари, овосковели бурые водоросли, залег под камень бурый речной краб); превратившись в кисель, река недовольно подбурливала только там, где ей приходилось обтекать уши и ноздри добровольно утопивших гиппопотамов, на которых сидели стайками цеце и думали, пососать крови сейчас или попозже. Замер и друг-бег реки песчаный, как сказал поэт; на нем опало и сникло все скакавшее и истошно кричавшее, шелестевшее и благоухавшее в ночи – зверье, зелень, арахны, стрекозы, тапиры, вампиры и даже бутылконосная гамадрила, живейшая из всех живых.

Но вернемся к границе оранжевого и желтого – к кромке воды. Здесь, среди ссутулившихся лопухих пальм, росло дерево авокадо. Оно, послушное общему закону, после полудня тоже размякло и повяло. Ничто не предвещало, казалось бы, того, что, непредвещанное и не могшее быть предвещанным, тем не менее...

...произошло!

В томной тишине вдруг раздался шелест, свист и глухой шлепок...

Что бы это могло быть?

А вот что: авокадо задремало, ослабило бдительность, и вот один из его плодов, то ли тоже задремавший, то ли просто на мгновение потерявший равновесие и не поддерживаемый родителем, сорвался и полетел напрямик вниз с положенным в таких случаях ускорением. И угодил он аккурат в нашего аллигатора. Угодил ему прямо в голову, но не поранил: во-первых, плод был уже слегка перезрелый (что, может быть, и было еще одной, дополнительной – а, может стать, и основной, – причиной его падения), а потому слегка расквашенный с лопнувшей на боку кожицей; во-вторых, на траектории его движения случились два листа нижних уровней, которые, естественно, подгадали до того проходившей идеально в соответствии с открытыми Галилеем законами динамике полета. Итак, шлепнулся он на аллигатора мягко, не набрав энергии даже для одного подскока. Часть внутренней массы выдавилась из дыры в боку и, оставляя салативо-маслянистый след, груша сползла с головы вздрогнувшего от испуга аллигатора на песок.

Казалось, тут и сказочке конец: с тех пор, мол, авокадо называют аллигаторова груша (а вовсе не потому, что кожа у них похожая!). Ну и все. Что тут еще могло случиться! А в том-то и дело, что по какому-то неведомому закону физики случилось... И очень даже!

Большинство атомов авокадо не повлияло на атомы той части тела аллигатора, на которую упал плод. Скорее вынужденная ньютоновым законом к противодействию совершаемому действию, туша вяло (и, конечно, почти незаметно для глаза) подалась на траектории по направлению к груше, но тут же обмякла и повлияла на полет последней лишь формально-минимально.

Но!

Но один из электронов одной из молекул как раз после падения (из-за падения? *post/propter hoc?*) на долю нанометра, в общем, строго говоря, все еще на уровне своей облакообразной орбиты, лишь качнулся в сторону от ядра, на своем, то есть, оставаясь уровне, ну по крайней мере, надеясь тут же, незамедлительно, через какую-то наномиллисекунду на него вернуться.

Однако «вдруг» и «не тут-то было»! (Не все в природе случается, как нам хочется или как мы планируем или ожидаем, слишком доверяясь опыту, т.е. виденному и пережитому раньше и потому принятому за закон.) Электрон тут же заарканило в зону своего притяжения протонно-нейтронное ядро соседней молекулы. Добавление еще одного электрона превратило аллигаторову молекулу в молекулу тоже живого существа, но другого типа, занимающего другую ступеньку на эволюционной лестнице – в сущности, конечно, спирали, витой лестнице. Эта изменившаяся молекула вызвала перераспределение вещества среди соседних молекул (по принципу, знакомому широкой публике под названием «эффект домино»), которые в свою очередь стали так же влиять на свое окружение. И пошло, и поехало.

Что тут и говорить, случилась самая настоящая цепная, доминирующая реакция (и в смысле «домино», и в смысле «доминировать», ведь реакция в мгновение ока стало *доминировать* над статикой). Сначала на атомно-молекулярном уровне. Но ведь он связан с более высокими уровнями: и результат не заставил себя долго ждать. Стали пересоставляться ткани организма экс-аллигатора, перераспределяться количества массы вещества в теле, некоторые ткани качественно изменились до неузнаваемости, в конце концов – стал переформировываться, т.е. метаморфизироваться (простите мне, как говорится, т.е. как сказал поэт, невольный прозаизм), видимый облик. Жирные бока начали уплощаться; избыточная жировая масса превратилась в мышечно-хрящевую и была распределена по конечностям. Передние удлинились, нарастили бицепсы и трицепсы, лапа расширилась по сравнению с предплечьем, налилась мышечной массой с рекоподобными картографичностями кровеносных сосудов, когтистые обрубки бывшей крокодилей культипы превратились в кисть с длинными пальцами с красивой, продолговатой формы ногтями. Правда, один, безымянный, палец получился длинноват. Но – пока – с этим разбираться мудрая и терпеливая природа не стала.

Пошла – пока – дальше: начала отделявать, по-микель'аджеловски отсекая ненужное, оттачивая, торс. Вот, появилась талия; вот, округлились ребра, а под торсом и бедра. Существо оказалось стоящим на четвереньках. Поднялось. Вернее, уже – *поднялся*. Все еще в крокодилей коже на берегу уже стоял настоящий красавец витязь скандинавского типа.

Тут-то и дошла очередь до удлиненного безымянного пальца. Локализованная цепная реакция завершила свое антропоморфное дело – палец стал уменьшаться, сравнялся с указательным, оставив первенство за средним, третьим из пяти. Что до оставшейся от бывшего избытка живой материи, то за неимением иных вариантов (ведь, напомним, реакция локализовалась, а значит, вещество ни в какую другую часть тела уже пойти не могло) сначала утолщилась вторая фаланга, потом она все-таки, будто передумав, вытянулась, спустив лишнюю массу вниз, первой фаланге – ведь та все равно и так толще, и потому ей-де все равно, быть на сантиметр-пару толще или *уже*. Но и первая фаланга отторгла избыток, послав составляю-

щие его (избыток) клетки «на заклятие», то есть, в переводе на биохимический – на *неорганизацию*. Поясним, что слово это – не антоним *организации*, а название процесса превращения органического в неорганическое. И действительно, через пару секунд в природе в очередной раз был зарегистрирован процесс ракохода (обратного хода) от живого к неживому: на первой фаланге образовался нарост, который сначала потемнел, став коричневым, потом вдруг начал осветляться и наконец засверкал золотым кольцом.

Вновь образовавшаяся молодая, но, уже по всему было видно, вполне половозрелая особь *мужеска человекья пола*, которая, конечно, сама ничего удивительного не заметила и тем более не обратила внимания на такие чудеса, как органический метаморфоз и золотая неорганизация (она-то в отличие от нас не свидетель, а субъект приключившегося: ведь сознание у новоиспеченного человека начало существовать только с момента поднятия с четверенек, а значит, всего субатомарно-клеточного «волшебного» превращения он не мог осознавать). Отряхнувшись от песка, как ни в чем не бывало особь зевнула, подошла к уронившему на аллигатора свою грушу дереву авокадо и, будто в отместку – но на самом деле, конечно, нет, отломил ветку погибче, ловко вырвала полосу из коры ствола, согнула ветку и привязала к ее концам полосу. Получилось подобие лука. Собственно, самодельный лук. К нему через секунду были добавлены стрелы из веточек потоньше и попрямее. Мужчина поднял кусок аллигаторовой кожи, оторгнутый новым, меньшим по объему телом, и валявшийся у него под ногами на песке, и подвесил себе на бок в подобие кармана-колчана из крокодильей кожи, куда и сложил стрелы. Потом огляделся вокруг, потом впервые за все свое суммарное аллигаторо-человечье существование поднял голову (благо теперь образовавшаяся шея позволяла), улыбнулся солнцу (новые лицевые мышцы добавили к способности по-крокодилу плакать над жертвой способность выражать и другие эмоции) и радостно ни с того ни с сего, приставив ко рту интуитивно желобком свернутую ладонь, заголосил: «Огогогогоооо!».

А потом он поднял лук, вправил в него стрелу и запустил ее ввысь. «Тьюить!» – воскликнула тетива. «Прхххх,» – ответила ей свечой взвившаяся стрела. И, простившись с луком и лучником, стрела пустилась в путь, который в конце концов приведет ее аж в три-девятое царство-государство, где-то на севере.

А наш витязь, предусмотрительно сняв золотое кольцо с безымянного пальца и спрятав его в свой боковой карман-колчан к стрелам, через полчаса, лишь наскоро перекусив чем натура послала (как то: двумя авокадо, стрясенными с известного читателю дерева; диким кабанчиком, на охоту за которым были употреблены еще две стрелы, а на приготовление – вязанка засохших лиан и ворох бурых листьев нижнего яруса деревьев, из которых в безопасном для проведения пикников месте на песке у реки был разложен костер; да двумя сладкими картофелинами, испеченными в золе), – наш витязь, зычно икнув, пустится вслед за стрелой на поиски суженой...

...Продолжаю решать задачу

Вмешательство первое

Извините, вмешаюсь. Я вот вам рассказывал про наш обед и про то, как бы хорошо было вывести формулу его временных рамок. Вопрос этот меня живо занимает: люблю внести порядок в хаос жизни.

Вначале, когда мне только сказали, в какое время у нас обед, я не мог запомнить 12, 17, 32, 49. Ставил будильник на телефоне. Бессвязный набор чисел. А когда вывел свою маленькую формулочку, все стало легко и просто, будто в сгустившихся сумерках вдруг выглянул светлый рог луны.

Итак, можно посмотреть иначе: $12 > 1 + 2 = 3$, так мы получаем первую цифру общего количества минут перерыва, а 2-я цифра – это 2-я цифра часа, в который обед проходил: 12. Так получаем 32. Потом просто складываем минуты начала перерыва 17 и 32 и получаем 49, минуту конца перерыва.

Пока, чтобы вывести эти формулы, надо запоминать цифру 7 в начальном числе расчетов 17, в то время как 12 запомнить легко: просто начинай считать: *ити хитоцу* (1), *ни футацу* (2), это естественным порядком выводит нас на *сан мицу* (3), что дает нам первую цифру количества минут перерыва; чтобы получить вторую, возвращаемся назад на 1 ход: *ни футацу* (1, 2, 3, 2), получаем *сан-ни* (32). А вот как выйти на *сити нанацу* (7) естественным путем, без того, чтобы надо было что-то запоминать? Я все еще думаю... Есть, конечно, кое-какие идеи: $1 + 2 + 3$ дает *року мицу* (6), а сделай мы еще один ход (1) и получим искомую *сити нанацу* (7). Может, так? Неплохо, но все-таки шестерка здесь какая-то лишняя. Хочется чего-нибудь поэлегантней, покрасивее... Ну-да ведь жизнь продолжается – думаем дальше!

Смерть зоолаборатории

Предсмертная записка

Вчера целая лаборатория Мерлокского университета совершила то, что квалифицировано как групповое самоубийство. Найден документ, который был сочтен предсмертной запиской членов лаборатории. Полиция расследует происшествие. (Газета «Мерлок Геральд»)

Это была звезда. Свинья-звезда. То есть звезда, которая была свиньей. Возможно, она была звезда, которая стала свиньей. По крайней мере, к тому времени, когда она попала к нам в вольер, она была уже вполне сформировавшейся звездой-свиньей.

Это была не звезда в смысле – полная света, источник света. Даже подумать так значило бы впасть в детскую наивность и ложную романтизированность, продемонстрировать полное отсутствие понимания того, как устроен реальный мир.

Это была звезда в смысле – то, что видит, знает и любит толпа. И вот эта звезда может себе позволить быть свиньей с той же толпой – в целом или отдельными ее представителями. С толпой, которая видит, знает и любит то, на что ей указали как на звезду, ведь это не она сама, не толпа увидела звезду, узнала звезду и полюбила звезду. И звезда это знала, и потому позволяла себе быть свиньей.

Мы в лаборатории как раз занимались этим феноменом и пристально наблюдали за ново-явленной *supernov*'ой, задаваясь вопросом: *зачем?*

Не – зачем толпе нужна звезда, которая была свиньей, и к ней, толпе, прежде всего? В конце концов толпе нужны звезды – Моцарты ли, Сальери, хоть кто-нибудь, – так солдатам нужны генералы.

Не – зачем толпе нужна свинья? В конце концов в каждой свинье есть звездная пыль, по меткому выражению Карла Сагана, – а в этой, может, пыли было много, во всяком случае побольше, чем в свиньях поменьше, и потому, если поставить ее у окна напротив солнца (звезды – которая в смысле «полная света»), лоснилась бы эта свинья ярче других живых тварей.

Нет, не эти вопросы нас занимали, не природа тавтологической закольцованности «свинья – звезда – толпа – свинья» интересовала нас, не способы разрыва этого круга мы исследовали, когда наблюдали день за днем свинью-звезду, звезду-свинью, которая жрала самодовольно все, что совала ей толпа (хоть думала она: что *vice versa*³).

Нет, мы задавались вопросом фундаментальным, не размениваясь на мелочи и частные субвопросы, по-эзоповски видя в зоологии род антропологии и – сверх-эзоповски – род познания мироздания вообще. Наш вопрос формулировался иначе: зачем нам нужен мир с такой толпой и с такой свиньей? И зачем было тратить на все это драгоценную звездную пыль?

И, так и не найдя ответа, мы, нижеподписавшиеся, все и разом, самоустранимся.

³ Наоборот (*лат.*)

Cum semel occideris⁴

Стихотворение в прозе

Сядь, зажги свечу и плачь. Сентиментальными слезами. Которые прячут от людей. Которых стыдятся. Которыми плачут лишь в окружении призраков с асфodelевых полей, один из которых и я. Видишь меня? Я слева. Видишь поднятую руку?

Ты скорее всего и не вспомнишь меня. Та ночь, вернее, тот вечер, всего-то несколько часов, всего лишь эпизод, наверняка затерявшийся, как фотография среди других таких же или, может быть, даже более памятных воспоминаний. А я все еще помню: как я открыл дверь, как встретились наши улыбки, отчасти дань вежливости первому знакомству, отчасти знак искреннего и неожиданно благообещающего удивления, сменившее их сумасшествие, кровать – по часовой стрелке и против, снова по, и снова против; ковер, тоже зюйд, зюйд-ост, ост и т. д. по компасу, то среди волн, нарастающих с неудержимым постоянством – ни жалости, ни передышки, то в штиле скользящих по потной коже пальцев.

Теперь тебе уже наверное вдвое-втрое больше?

Комната плывет в фиолетовом море неба, в которое подмешан рассеянный звездный свет; чуть не свешивающаяся в окно огромная шафрановая луна – как маяк над черными, выступающими над подоконником скалами ваших испанских кипарисов.

Нет свечи? Да и не нужно, тебе уже не нужно больше света. Конечно, зачем! Старческая слепота...

Но ведь глаза-то еще есть.

Вот и поплачь, поплачь. Теперь ты во власти другого моря и других волн, другого течения, которое несет тебя по другому курсу. Теперь курс на норд, норд-вест, вест, туда, где умирает солнце. А там, когда Минос вынесет свое неоспоримое решение...

Может, скоро встретимся *здесь*, тебе ведь тоже вряд ли в Элизиум.

⁴ Когда однажды отправишься на запад (*лат.*)

Переводчик

Шпионская новеллетта

Na etom meste v parke reka delala neskolko iz-... На этом месте в парке река еделала нару несколько из...

...Исайя Вранек. Переводчик с русского на английский в непримечательной, казалось бы, компании-посреднике, торгующей машинами и другой тяжелой техникой, в основном сельскохозяйственной, производства стран восточной Европы.

На самом деле за вывеской скрывалось бюро перевода перехваченных или полученных от агентуры, работающей в соцстранах, документов стратегического значения.

Но и это было не все. На самом деле Исайя Вранек был Исайя Петрович Воронков, советский резидент. Фактически, конечно, шпион, но шпион необычный. В его задачи не входило получение или передача какой-либо информации отсюда – туда. Этим занимались другие. У Исайи Петровича была особая функция. Его действия начинались там, где никто другой на судьбу захваченной врагом информации уже повлиять не мог: это были телефонограмма, какой-нибудь важный отчет или приказ, которые уже попали в руки идеологического соперника. Что тут можно было сделать! Но в том-то и дело, что впервые в истории была осознана роль, которую при обработке сообщений может играть – перевод. Ведь перевод обычно не замечают: так, лишь чисто технический этап – сообщение на одном языке заменяют словами другого. Перевод – прозрачное стекло! Его как бы и нет вовсе. Но не тут-то было! Исайя Петрович, лингвист по образованию еще в свою бытность (как давно это было! он еще был студентом филфака!) в Союзе, пришел куда положено и рассказал о своем плане.

– vivov... Извивов? Углы их были настолько одинаковы и сами повороты до такой степени правильны в своей симметрии, что если на известном равном расстоянии бросить в воду, например, листья или щепки (и он это пробовал – это не голословное утверждение), то всех их поток будет поворачивать и выносить на очередной отрезок почти синхронно.

Из открытого окна на Оклэнд авеню доносились звуки девятого фортепианного концерта Моцарта «Молодой человек». Вазон с геранью, казалось, реагировал на музыку: алые соцветия вздрагивали в ритме музыки. Знак? От кого? Кому?

– gibov... Может, изгибов? Каждый раз проходя здесь, он подозревал, что таким русло реки здесь было сделано искусственно, иначе это было бы чудо природы.

План был в общем-то несложен. Каким образом Британия в 1943 г. убедила нацистов в том, что союзники пойдут не на Сицилию, а в Грецию и Сардинию? Подослав труп якобы погибшего в авиакатастрофе у берегов Испании офицера с секретной информацией – вернее, дезинформацией. Понятно, что проверить это стоило немало усилий и, главное, слишком многое было отдано на волю обстоятельств. Надо было найти убедительный труп, подбросить его так, чтобы он попал в нужные руки и при этом не вызвать подозрений. Приходилось только надеяться, что все сработает: что труп найдут испанские рыбаки, что передадут его сотрудничающим с нацистами властям, что те оценят важность находки офицера-курьера с секретной информацией и передадут все это дальше и что в конце концов все это дойдет, куда надо, а главное, что информации поверят. Все получилось, но слишком уж много оказывалось вне зоны

контроля, слишком много было потенциально провальными поворотами задуманного сюжета. Рука британцев была сильна лишь на первом отрезке операции, а дальше – как бог даст...

– Юмов... А может, изломов? Листья на ветру стряхивали капли.

Нет, так больше действовать нельзя. И вот явился Исая Петрович. Переводчик. Тот, через кого проходит достаточное количество документов, которые врагу уже удалось захватить, но которыми еще можно поманипулировать так, что хотя бы какая-то из захваченной информации превратилась в дезинформацию. Иначе говоря, теперь контролирующая рука оказывалась внутри вражеского лагеря и уже не таким могущественным оказывался случай, который раньше по своей прихоти мог повернуть ситуацию так или иначе, в пользу или во вред; теперь случай подчинялся – по крайней мере в большей, чем до того, степени – внедренному агенту.

Появившаяся из-за рамы рука поправила листья герани и исчезла.

Так Исая Петрович превратился в Исая Вранка, диссидента, который якобы бежал из СССР и нашел убежище на западе. Со временем он обрел нужные связи и вышел на цель – бюро переводов, в котором к настоящему моменту проработал уже больше пятнадцати лет. Сначала сидел как мышь, просто переводил, не общался ни с кем из советской резидентуры, чтобы исключить даже тень возможности подозрений. А со временем стал действовать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.